

М. А.
КУЗМИН

Избранное

Михаил Алексеевич Кузмин

Платоническая Шарлотта

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311482

Аннотация

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая».

Михаил Кузмин.

Платоническая Шарлотта

Шарлотта Ивановна лучше чем кто-либо понимала значение «платонической любви». Конечно, она не читала Платона, сомнительно даже, знала ли о самом его существовании, но всякий раз, когда она спрашивала у Ильи Петровича: «Как называются такие отношения, как у нас с вами?» – она неизменно получала в ответ: «Это называется платонической любовью»; и наоборот, на вопрос: «Что значит платоническая любовь?» – Илья Петрович всегда отвечал: «Платоническая любовь? Это такие отношения, как вот у нас с вами, Шарлотта Ивановна».

Таким образом, было очевидно, что платонически любить значило: вставать чуть свет, бегать самой на рынок, ходить с Песков на Морскую за какими-то особыми французскими булками, относиться с благоговением к минутам, когда Илья Петрович поправлял ученические тетрадки, пришивать ему пуговицы и штопать носки и, главное, находить во всем этом источник не очень разнообразных, но неистощимых удовольствий. Конечно, платоническая любовь требовала и смелости, и пренебреженья к общественному мнению. Если Шарлотта Ивановна не знала этого раньше, то отлично убедилась, когда ее родные и знакомые отступились от нее после того, как она переехала в дом к одинокому гос-

подину Вениаминову. А новые немногочисленные знакомые Ильи Петровича обращались с ней не то как с экономкой, не то как с незаконной сожительницей. Но что же давала ей эта любовь? Преимущество всякой философии, в том числе и греческой, заключается в том, что она дает ответы на всякие вопросы. Илья Петрович отлично разъяснил это подружке. «Платоническая любовь – это такая, которая ничего не требует, которая счастлива тем, что другой существует, больше ничего». Очевидно, Илья Петрович упустил из виду те французские булки, за которыми бегала Шарлотта Ивановна с Песков на Морскую. Конечно, люди, более осведомленные в платонической любви, могли бы кой-что возразить господину Вениаминову против такого определения этого чувства, но Шарлотта Ивановна верила Илье Петровичу на слово, и к ощущению удовольствия от того, что другой существует, у нее прибавлялась и некоторая гордость от того, что все это называется так возвышенно и красиво.

Она отлично помнила тот день, когда в первый раз увидела Илью Петровича. Она пришла к Вениаминову как переписчица, совершенно не думая, что это место будет отличаться от какого-либо другого. Она не подумала этого и тогда, когда увидела Илью Петровича. Вид его оказался симпатичным, не более: небольшая курчавая бородка, очки в золотой оправе, высокая, несколько полная фигура. Она сама не знает, как это случилось. Может быть, на нее подействовала аккуратная, деловитая и одинокая жизнь этого челове-

ка, которого она сразу сочла за очень умного. Притом он был в некотором роде литератором, составляя иногда специальные статьи для журнала Министерства народного просвещения. Илья Петрович обращался с нею с тою ни к чему не обязывающею ласковостью, которою он был ласков ко всем. К нему иногда приходили взрослые воспитанники, державшиеся робко и просительно, и Шарлотте Ивановне казалось, что господин Вениаминов – профессор, необыкновенно ученый, почти гётевский Фауст; а она, Шарлотта Ивановна, что же? Белокобая Гретхен? От этой мысли она краснела, как вишня, путала буквы и почти не слышала, что говорил ей ласково и методично Илья Петрович. Для нее было бы неслыханным счастьем войти в эту размеренную, возвышенную и прекрасную жизнь. Конечно, она не смела мечтать принимать какое-либо участие в духовной жизни своего Фауста, но зато, как никто другой, она могла устроить будничные удобства, чтобы та, другая, жизнь ровно и свободно развивалась. Это случилось очень просто и как-то само собою. Однажды, когда Шарлотта Ивановна стучала на машинке, прислуга внесла в комнату белье, только что принесенное от прачки; прекратив на минуту переписку, Шарлотта Ивановна мельком, хозяйственно взглянула на белую стопку, поверх которой лежала какая-то пестрая мелочь, потом встала, осторожно перебрала все лежавшее и снова принялась стучать. Илья Петрович был немало удивлен, когда на следующий день, посреди какого-то разговора, Шарлотта Ивановна вдруг спросила:

– Илья Петрович, кто смотрит за вашим бельем?

– Что вы говорите, Шарлотта Ивановна?

– Я говорю, кто смотрит за вашим бельем? – повторила

Шарлотта, а сама еще ниже наклонилась к машинке.

– Отчего это вам пришло в голову? Не знаю; вероятно, прислуга.

– Она очень плохо смотрит. Ну, как же это возможно: у вас есть такие хорошенькие голубые носки, а она их штопает толстой черной бумагой.

Шарлотта Ивановна совсем застыдилась, а между тем ей казалось, что она как-то приблизилась к Илье Петровичу оттого, что знает про его голубые носки. Неизвестно, почувствовал ли господин Вениаминов такую же стыдливую близость, но он ответил, улыбаясь:

– Ну что же делать? Хорошо еще, что так штопает. Чего же может еще больше требовать старый холостяк, как я?

Ответил он, как следует, как мужчина, который стыдлив и суров, и который говорит так сухо и храбро оттого, что слишком нежен, и которому стыдно, что у него есть не только носки, да еще голубые, но даже и самые ноги.

Ах, как это понимала Шарлотта Ивановна!

Уходя, она сказала совсем робко:

– У меня к вам просьба, Илья Петрович: вы мне позвольте взять с собой то, что у вас не в порядке, и я вам дома все поправлю.

– Ну, уж это совсем не дело, Шарлотта Ивановна! С какой

статье вы будете чинить мое белье?

– А что я за принцесса такая? Я, знаете, очень немка, и буржуазная немка, и роковым образом не могу видеть какой-нибудь хозяйственной небрежности.

Илья Петрович улыбнулся и сказал:

– Я думаю, Шарлотта Ивановна, что вы на себя наговариваете, что в вашем предложении ваше немецкое происхождение играет не такую исключительную роль.

– Ну да! Ну да! Конечно! Я не для всякого бы стала это делать, а вас я очень уважаю и не могу видеть вас таким беспризорным.

Илья Петрович пожал руку Шарлотте и проговорил:

– Да, я вам крайне благодарен, крайне, крайне... но тем не менее считаю, что это неудобно...

– Но почему?

– Да уж по одному тому, что это может показаться неприличным вашим родным.

– Они ничего не подумают, а то еще лучше: у меня есть отдельная комната, и я буду делать это по ночам, когда все спят.

– Но зачем же вы для меня не будете еще спать ночей?

– Нет, позвольте, Илья Петрович! Это будет так весело! Я буду брать к себе кошку, все будут спать, кошка будет мурлыкать, а я буду работать и думать о вас.

С этого разговора участь Шарлотты Ивановны была решена. За бельем последовал кофе, который у Ильи Петро-

вича не так варили, затем ее заинтересовал его стол, потом она оставалась некоторое время после занятий, чтобы тут же на месте наводить порядок, стала приходить раньше, куда Илья Петрович еще не вставал, наконец было найдено, что Шарлотта Ивановна все равно так много времени проводит на квартире Вениаминова, что гораздо проще ей переселиться совсем, а родителей только посещать, хотя бы каждый день. Этот план совершенно неожиданно встретил большое сопротивление со стороны семейства Шарлотты, но если Шарлотта Ивановна отличалась немецкой хозяйственностью, то она обладала вместе с тем чисто тевтонским упорством. К тому же давно известно и доказано, что чем идеалистичнее и отвлеченнее чувства и убеждения, тем более им свойственно усиливаться от преследований.

Несколько бурных сцен привели к тому, что Шарлотта Ивановна окончательно уперлась на своем решении, считая себя жертвой и героиней.

– Смотри, дочка, ты вступаешь на скользкий путь, – сказал отец, провожая Шарлотту, без сюртука, в одних подтяжках. Мать, по-женски более чуткая, обняла Шарлотту, проговорив:

– Я вижу, Лотхен, что ты его крепко любишь, но все-таки береги себя.

И Шарлотта Ивановна летела на Пески так, как будто в этой квартире с починенными носками и исправленным кофе было для нее какое-то освобождение.

Переезд Шарлотты Ивановны не столько изменил ее положение, сколько утвердил уже существовавшее, и тут она в первый раз узнала, что значит платоническая любовь и как называются такие отношения, как у нее и у Ильи Петровича. Домой она ходила не так часто, как это предполагалось раньше, и вообще почти никого не видала, так что жизнь ее текла в очень замкнутом кругу между кофе и носками г. Вениаминова и мечтами о своей прекрасной и возвышенной участи.

Кроме преувеличенной мечтательности, не мешавшей, впрочем, Шарлотте Ивановне быть очень рассудительной, даже расчетливой хозяйкой, у Шарлотты Ивановны был еще один недостаток – она очень любила кататься на коньках. Она не смущалась тем, что этим спортом занимаются, главным образом, подростки не старше 15 лет, и каждый свободный день перед обедом, покуда Илья Петрович не приходил еще домой, она брала блестящие коньки и шла одна к Таврическому саду, меж тем как в конце Кировной уже туманилась зимняя заря. Ей мешали загородки катка, и она жалела, что не может достать билета на каток в самом парке, где так красиво катаются избранные счастливицы, какие-то офицеры и барышни, приезжавшие с мисс, и где видны деревья, дома далекой улицы и дымная заря. Делая быстрые круги, Шарлотта Ивановна сама становилась как будто смелее, даже до

того, что однажды познакомилась там с каким-то студентом. Он был маленький, розовый, с курчавыми рыжими баками и тоненьким носиком. Он катался в ватном пальто с воротником, и звали его Коля. Шарлотта Ивановна не помнила, как они познакомились и как вышло, что он стал ее каждый раз провожать, неся две пары звякающих коньков. Она почти не отделяла его от самого катка и только тогда увидела, что он – не грелка, не забор, не зимняя заря, когда однажды он, проводив ее до самого подъезда, вдруг сказал:

– Я вам давно хотел сказать, Шарлотта Ивановна, что я вас очень, очень люблю.

– Нет, нет, не надо! – боязливо заговорила Шарлотта.

– Почему не надо?

– Потому, что я люблю другого! – ответила Шарлотта Ивановна, и сразу какая-то радостная гордость разлилась по ее сердцу, как заря по небу. Она почти не обратила внимания на то, как сморщился Колин носик, и что он стал быстро лепетать, моргая глазами. Наконец она услышала:

– Не запрещайте мне только думать о вас и ждать... Я буду вас любить платонически!

– Нет, вы не смеете этого делать! – крикнула Шарлотта, входя в дверь.

Дней десять она не ходила на каток, не потому чтобы сердилась на Колю, а просто наслаждаясь дома вновь вспыхнувшим и расцветшим сознанием своей прекрасной любви. Она даже ничего не сказала об этом случае Илье Петровичу, а

только радостней и проворней бегала пешком на Морскую. Но для полноты чувства ей хотелось все-таки поделиться своей радостью. Она боялась только, как бы это не показалось хвастовством с ее стороны, выставлением на вид своих заслуг. Выбрав вечер, когда Илья Петрович был особенно благодушно настроен, она робко рассказала ему свой скромный роман. Вениаминов принял ее рассказ как-то слишком шутивно.

– Поздравляю вас, Шарлотта Ивановна, с победой... Конечно, мне очень дорого, что вы помните обо мне, но все-таки я бы вам советовал не упускать из виду этого молодого человека.

– Зачем он мне? Вы же сами знаете, Илья Петрович, что мне, кроме тех отношений, которые существуют между нами, никаких не надо.

– Конечно, я это знаю и очень вам благодарен. Я просто пошутил.

– Как вам не стыдно так шутить?

– Я уж просил вас простить меня. Ну хотите, чтоб заглядеть свою вину, я сообщу вам две новости?

– Ну конечно, конечно...

Илья Петрович походил по комнате, будто соображая, какую новость сказать первой, наконец, остановясь около самой Шарлотты Ивановны, произнес:

– Во-первых, я получил повышение по службе, о котором вам говорил.

– Да разве могло быть иначе? По вашему уму, по вашим заслугам вам давно уж нужно было быть профессором.

– Это вы так рассуждаете, милая Шарлотта Ивановна, другие думают иначе; одним словом, повышение мне дали, так что теперь вполне возможно подумать о женитьбе.

– Не надо, не надо, не надо, я вам и так верю.

– Ну хорошо, я не буду говорить, хотя не знаю, почему это вас так волнует. Ведь ничто, в сущности, не изменится.

– Ну, я прошу вас не говорить сейчас. Я слишком счастлива.

Илья Петрович с удивлением посмотрел на немку и проследовал в свой кабинет.

На следующий день после обеда Илья Петрович снова начал как бы продолжение вчерашнего разговора.

– Что, Шарлотта Ивановна, вы больше не видали того студента с катка?

– Нет. Зачем же мне его видеть?

– Это, конечно, дело ваше, но мне показалось по вашему рассказу, что этот молодой человек... как его? – Коля, не похож на уличного искателя приключений и, может быть, с вашей стороны не совсем благоразумно так им negliжировать. Я очень ценю вашу преданность и доброе ко мне отношение, но совсем не хочу мешать вашему счастью.

– Мое счастье – быть всегда около вас! Никаких мне студентов с катка не надо. И если я вас вчера просила не продолжать разговора, то только потому, что чувствую себя и

так безмерно счастливой.

Илья Петрович пожал руку Шарлотте и продолжал менее спокойно:

– Я, собственно говоря, не совсем понимаю, отчего это вас так волнует. Все останется по-прежнему, я уверен, что моя будущая супруга не будет ничего иметь, чтобы вы оставались у нас. Я уж говорил с ней об этом. Она даже хочет с вами познакомиться.

Шарлотта Ивановна молчала.

– Я думаю, что для вас эта перемена будет к лучшему; вы слишком много для меня сделали, и то ничтожное вознаграждение, которое я имел возможность вам давать, совершенно не вознаграждало вашей заботливости. Теперь мой оклад увеличен, кроме того, моя будущая супруга – женщина со средствами, мы можем несколько лучше, несколько шире выражать свою благодарность.

Шарлотта все продолжала безмолвствовать.

– Видите ли, я настолько бескорыстно и хорошо отношусь к вам, что еще раз напоминаю вам о том молодом человеке: не следует пропускать своего счастья.

Илья Петрович посмотрел на часы.

– Я очень рад, что вы теперь несколько успокоились, а наши отношения, которые мне так дороги, останутся такими же. Ведь между нами – платоническая любовь, которая ничего не требует и счастлива тем, что другой существует. Не так ли?

Илья Петрович еще раз дружески пожал руку ничего не говорившей Шарlotte Ивановне и вышел, не оборачиваясь и не замечая, что его платоническая подруга продолжает сидеть неподвижно, глядя на скрещенные руки, не моргая и даже не плача.